

Алексей Котов

Чёрная книга

Алексей Николаевич Котов

Черная книга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24938598

Аннотация

Мистические повести о рыцарях и чертях, о средневековье и сегодняшнем дне, о добре и тому, что ему противостоит, причем автор так и не удосужился доказать что, например, добро сильнее зла и оно всегда побеждает. Ведь не шахматы же мы играем, господа...

Рыцарь

1.

Если бы старый барон Хейн Берингар заранее знал, что вспыхнувшая после визита в Италию короля Генриха IV гражданская война продлится тридцать лет, он бы несколько растерялся. Дело в том, что драчливый барон не рассчитывал дотянуть до преклонного возраста, поскольку не стеснялся пользоваться всеми доступными благами жизни, а с другой стороны, не дожить до конца войны и не знать, чем она кончилась, было немного обидно. Хейну Берингару – а еще его называли Рыжий Счастливчик – было пятьдесят пять лет, старый рыцарь явно поднаторел в ловле военной удачи, а его тыл – замок Берингар всегда считался неприступным. Прежде чем ринуться с восставшими саксонцами на короля, барон, никогда не отличавшийся логикой решений, решил жениться. Кровавое вино войны, разбавленное небесным нектаром любви, должно было бы еще больше вдохновить на рыцарские подвиги темпераментного вояку. Женой Рыжего Счастливчика стала младшая дочь обедневшего графа Арне Эрмелинда. Девушке только что исполнилось шестнадцать лет, она была удивительно красива, а воспитание в бедном доме жестокого отца сделали ее характер спокойным и терпеливым.

– ... Как у хорошо объезженной лошадки! – не без многозначительной улыбки, заключил Хейн.

Трудно сказать, что привлекало Хейна больше, война с королем Генрихом или молодая жена. Может быть, именно поэтому он и решил взять молодую супругу с собой. Бледная после свадьбы Эрмелинда поцеловала жесткую руку мужа и сказала, что последует за ним хоть на край света. Короче говоря, барон Хейн остался доволен: сочетание приятного (медового месяца) и полезного (война с кролем, которого старый рыцарь презирал не меньше, чем его отца Генриха III) омолодили его лет на двадцать. Покидая свой замок Берингар, Хейн распевал старые рыцарские песни, много шутил, а, уже миновав подъемный мост, он чуть приотстал от солдат и постучал ножнами меча по крыше кареты плетущейся в хвосте колонны.

– Ну, ты как, а?.. – весело спросил барон выглянувшее наружу милое, женское личико.

Эрмелинда слегка покраснела (она почему-то всегда краснела, когда говорила с мужем) и заверила его, что «все чудесно».

Старый рыцарь перекрестился на хмурое, дождливое небо и поблагодарил Господа за удачное начало похода. Он припомнил, что в прошлый раз его конь раздавил какого-то приبلудного пса прямо на мосту, но не насмерть и пес страшно выл, провожая душераздирающим воплем идущих на войну рыцарей и солдат. Хейну пришлось послать назад растороп-

ного молодчика, и тот прикончил собаку. Барон хотел было рассказать о том случае Эрмелинде, но передумал, вдруг нахмурился и, хлестнув коня плетью, умчался во главу колонны.

2.

Король Генрих IV проявил истинно королевскую решительность. Пока швабская армия под начальством герцогов Вельфа и Бертольда не спеша собиралась между реками Рейн и Некар, король смело напал на саксонцев. 7 августа 1078 года у города Мельрихштадт состоялось сражение. Тяжеловооруженные рыцари могли либо атаковать, либо бежать. Классический удар рыцарской конницы всегда был похож на удар копья и после удара «копье» следовало вернуть в исходное положение, перестроиться и наносить новый удар. Толкотня на поле боя достигла апогея после полудня. Лихие рейды конницы следовали один за другим с обеих сторон. Но люди и лошади постепенно уставали и удары отрядов, блестяще прорисованные на картах, на поле боя вдруг становились все менее расторопными, а то и просто запоздалыми. Иногда кавалерия вламывалась в лесок, но находила там не врага, а ямы и пни. Кони с жалобным ржаньем ломали ноги, а добычей атакующих становились два-три десятка изодранных трупов и перевернутые телеги. Кое-кто из рыцарей вдруг вспоминал, что этот лесок был уже атакован королев-

скими войсками еще утром и доблестные рыцари застали тут обоз из десятка телег. Возниц убили, телеги сожгли, а лошади разбежались.

Последними, уже вечером и по настоящему, с поля боя бежали саксонцы, а королевские рыцари решили отдохнуть и подкрепить свои силы вином и местной зайчатиной.

Отряд Хейна Берингара находился в группе отважного пфальцграфа Фридриха. Замысловатые маневры конницы во время боя, которые порой то отменялись, едва начавшись, то снова возобновлялись, но уже в другом направлении, внесли такую путаницу в командование сражением, что группа отважного пфальцграфа запуталась больше остальных и пробыла всю ночь на ставшем вдруг никому не нужном поле боя рядом с войсками Генриха IV. Посланные храбрым Фридрихом к самозваному королю Рудольфу связные вернулись ни с чем, не найдя короля ни поблизости от места сражения, ни в самом Мельрихштадте.

Ближе к утру пфальцграф наконец понял, что остался один на один с королевской армией. Мужество оставило его, и пфальцграф не просто ушел, а буквально удрал с поля боя. Правда, как стало ясно позже, он мог взять в плен короля Генриха и прекратить едва начавшуюся войну. Все дело в том, что королевские рыцари слишком увлеклись кто охотой на зайцев, кто вином, а большинство попросту отправились по своим замкам, послав войну с ее дурацкими маневрами куда подальше. Рядом с Генрихом IV оставалось не более де-

сятка рыцарей, треть из которых была ранена, треть потеряла коней во время одной из атак на злополучный лесок с сожженным обозом, а треть была попросту пьяна, как и сам Генрих уже вкусивший местной зайчатины.

Но если возвращение Генриха IV в Баварию было относительно благополучным, то отряд пфальцграфа Фридриха, упустивший удачу на поле боя, судьба подвергла дальнейшим испытаниям. Отступающие войска короля-самозванца Рудольфа Швабского грабили местное население. Население, разумеется, не могло не реагировать на разбой, но поскольку реакция народа на насилие со стороны властей всегда носит несколько запоздалый характер, то подавляющее количество ударов обрушилось именно на отряд пфальцграфа Фридриха, плетущийся в самом конце отступающей армии.

Хейн Берингар совсем забыл о своей юной жене Эрмелинде. Точнее говоря, он запамятовал о ней еще утром, когда начались конные атаки и напрочь забыл о юной деве на обратном пути, когда барону пришлось обороняться от крестьянских вил и дубин.

Хейн добрался до своего спасительного замка-логова только 14 августа. Когда остатки его воинства с величайшим трудом и в не менее величайшем изнеможении пересекли наконец подвесной мост, Хейн вдруг увидел у широких порожек донжона (внутреннего дворца крепости) карету Эрмелинды. Если на уставших воинов карета не произвела ника-

кого впечатления, то Хейн все-таки подошел к ней и некоторое время осматривал... То, что он увидел оказалось довольно жалким зрелищем. На позолоченных боках кареты были видны многочисленные вмятины, а в подушках, которые, судя по всему, в дороге с успехом заменяли стекла, торчали стрелы и даже крестьянский серп.

Барон Хейн хмыкнул и ковырнул пальцем несколько боевых засечек на дверце кареты. Пару из них можно было смело назвать не засечками, а дырами. Одну проделало, видимо, копьё, брошенное с близкого расстояния, а вторую топор. Барон попробовал дверцу на пригодность – держит ли ее замок или она болтается как притвор старой овчарни. Дверца болталась, но только наполовину, удерживаемая изнутри чем-то вроде веревки. Хейн почесал затылок и спросил подвернувшуюся под руку кухарку, когда вернулась в замок его жена и где она сейчас.

Рассказа кухарки, хотя и многословный, был полон сопереживания к своей хозяйке. Оказывается, ее карету сопровождал юный рыцарь Готфрид Вендель. В начале бегства с ним было еще несколько человек (одного кухарка знала хорошо – конюха Ганса Эйнгара), но они погибли за жизнь своей госпожи. Карета прибыла в замок утром, за несколько часов, до появления самого барона, в сопровождении одного рыцаря Готфрида. В благодаренье Богу баронесса не была ранена, но едва держалась на ногах. Молодую женщину уложили в постель и позвали врача.

– Спит сейчас? – коротко спросил барон.

Кухарка кивнула, всхлипнула и поднесла к глазам уголок фартука.

Хейн приказал приготовить себе ужин и ванну.

– Пока не буди жену, – сказал он кухарке. – Я один испугаюсь... – Хейн задумался и добавил: – Ты это, вот что... Марту лучше позови... И Эльзу... Ну, ту, которая похудее.

Лицо рыцаря Хейна Берингара немного посветлело – ведь все его приключения закончилось не так уж плохо! – и он направился ужинать.

3.

Приглашенный на ужин Готфрид Вендель – восемнадцатилетний юнец, длинный и неуклюжий, – без рыцарских лат был скорее похож на сына мельника. У него были светлые, словно присыпанные мукой, волосы и конопушки по всему лицу. Голубые, чуть навывкате глаза смотрели смело и спокойно.

Готфрид был внуком Саксонского курфюрста, но свое нравный дед лишил отца Готфрида Герарда наследства из-за женитьбы на дочери своего давнего врага. И мать, и отец юноши рано ушли из жизни, поэтому его судьба складывалась случайно, и не было ничего удивительного в том, что он оказался в небогатом замке Берингар.

«А ведь он, пожалуй, что некрасив, – вдруг подумал Хейн,

рассматривая лицо юноши. — И уши у него лопоухие, и подбородок узкий, словно не мужской...»

— Спасибо, что спас жену, — наконец сказал Хейн, едва сдерживая снисходительную улыбку. — Тяжело пришлось?

Готфрид коротко рассказал о самом большом бое, который им пришлось выдержать. Пьяные крестьяне и дезертиры буквально лезли напролом, считая, что в карете едет какая-то очень важная особа. Позже, возле Гросширма, Готфриду удалось присоединиться к небольшому отряду саксонцев, но они почти сразу же снова были атакованы местными крестьянами.

— Бандитами, — поправил юнца Хейн.

Судя по всему, и этот бой не был последним, но барон вдруг вспомнил раскисшее поле битвы под Мельрихштадтом и редкий лесок, за которым укрылись войска Генриха IV.

«Какого черта так не повезло, а? — возмутился про себя барон. — Правда, откуда я или этот дурак Фридрих могли знать, что там не более десятка рыцарей?»

Один из пленных солдат Генриха, который попал в руки саксонцев только потому, что заблудился и отстал от своих, рассказал, что пьяный король спал у костра, а его голую ногу лизала гончая собака. Величайшая военная добыча была беззащитнее кролика, но проклятый трус Фридрих побоялся сунуть нос в лесок и задал стрекоча.

Барон скрипнул зубами и грохнул кулаком по столу. Столкнувшись с удивленным взглядом Готфрида, он через

силу улыбнулся.

– Нервы, – пояснил он. – Многих друзей потерял.

Уже заканчивая ужин со спасителем жены, Хейн бросил на стол золотую монету.

– Держи и помни, что долг платежом красен, – сказал он.

4.

Барон Хейн потерял всякий интерес к своей молодой жене Эрмелинде. Почти каждый вечер он устраивал попойки с друзьями, и в главной башне замка постоянно гудело, как в печной трубе, от пьяных криков и волей. Гремели стулья, лязгали мечи в потешных схватках, иногда едва ли не переходящих в настоящие, и со звоном билась посуда. Больше всех кричал барон Хейн и чем больше он пьянел, тем хвастливее становился. Спать барон ложился только под утро в компании пары служанок. Утром женщины долго хихикали и не стеснялись обсуждать его мужские возможности, которые, по их мнению, раз от раза становились все меньше.

По вечерам Эрмелинда покорно ждала мужа в спальне и слушала воинственные вопли за дверью. В спальне было холодно, темно (горела только пара свечей), а в цветной росписи окна плавился розово-зеленый полумесяц. Эрмелинда была по-настоящему одинока, потому что отец не отпустил с ней ни ее старую служанку Ханну, воспитывавшую девочку с трех лет, ни молодую Элфриду, с которой можно было хотя

бы поболтать о пустяках.

Через неделю Эрмелинда отпросилась у мужа погостить у двоюродной сестры Алеит в Дрездене. Барон, в знак согласия, молча махнул рукой и уже в ответ на благодарность жены, посоветовал ей взять с собой пять-шесть человек охраны. Время было беспокойное, войска короля Генриха вот-вот грозили вторгнуться в Саксонию, а недостатка, как в явных, так и в тайных союзниках король не испытывал.

Путешествие к сестре и жизнь в большом городе немного взбодрили Эрмелинду. Молодая женщина стала, пусть и редко, улыбаться, а на ее щеках появился бледный румянец. Сопровождающий баронессу рыцарь Готфрид был незаметен, как простой слуга. Даже если его приглашали за общий стол, он садился в его дальнем конце и молчал весь вечер. Когда его о чем-то спрашивали, он краснел как мальчишка и путался в ответах.

– Дикарь! – пренебрежительно сказала о нем Алеит фон Штаухиц. – Точнее говоря, он еще только дикаренок.

Готфрид спал в маленькой комнате под лестницей рядом с кухней. Пару раз ночью к нему стучали в дверь, и там, за дверью, слышался тихий, призывный женский смех. «Дикаренок» накрывал голову подушкой, поджимал к животу длинные ноги и шептал молитвы. Уже через пару дней бойкие служанки барона Штаухица стали откровенно посмеиваться над Готфридом, а их начальник – толстый, как бочка повар Ганс – возненавидел его так, что Готфрид частенько оставал-

ся голодным.

Через неделю Эрмелинда отбыла домой. Возле захудалого городишки Гампиц Готфриду пришлось вступить в бой с неким рыцарем Ансельмом фон Астером. Вся округа знала последнего едва ли не как откровенного сумасшедшего и если домашним полоумного рыцаря по какой-то причине (чаще всего это была невнимательность) не удавалось удержать его дома, он тут же, на ближайшей дороге, находил себе соперника для поединка. Поводом к драке чаще всего служило требование Ансельма поцеловать проезжающей даме ручку или, опять-таки требование к ее сопровождающим расколдовать коней, в которых они превратили благородных саксонских рыцарей.

Трое солдат из отряда Готфрида решили посмеяться над сумасшедшим. Ансельм фон Астер тут же «успокоил» первого солдата ловким ударом меча под кирасу, куда меч вошел едва ли не на половину, а второму вояке, предварительно и очень сноровисто сбив шлем, он рассек лицо. Третий ратник кинулся наутек и меч безумного рыцаря нашел только одну преграду – меч Готфрида. Навыки рукопашного боя рыцаря Ансельма можно было бы назвать чудовищными по красоте и силе. Почти сразу Готфрид получил сильнейший удар мечом в грудь, через пару секунд меч врага атаковал его справа (Ансельм был левшой), а еще через секунду сверху. «Удар сокола» едва не оглушил Готфрида. Но молодой человек все-таки смог развернуть коня и, отражая чужие уда-

ры, сделал свой первый выпад. Ансельм тут же лишил его меча ловким ударом под рукоять. Обезоруженный Готфрид дал шпоры коню и ринулся на своего противника. Конь Готфрида ударил в бок коня Ансельма. Тот пошатнулся и это помогло молодому рыцарю отбить следующий удар врага уже нацеленный под его щит.

Готфрид снова дал шпоры коню. Ему нужно было либо сбить с ног коня противника, либо заставить его сильно попятиться, и выхватить короткое копье. Конь молодого рыцаря ткнулся мордой в защищенный кольчугой бок коня Ансельма. Чувствуя непреодолимую преграду и в то же время, сходя с ума от боли, конь Готфрида встал на дыбы. Меч Ансельма ударил его в грудь, но тут же копыта коня дважды тяжело ударили его в грудь. Оба коня пали, но более легкий Готфрид успел выскользнуть из-под рушащейся на него пятисоткилограммовой массы и встал на ноги первым. Выхватив нож, он бросился на Ансельма. Тот лежал на животе. Готфрид перевернул противника и сорвал с него шлем.

– Ты!.. – крикнул молодой рыцарь. – Ты!..

Готфрид не мог найти нужные слова. Он хотел сказать, что нападать на дороге на невинных людей – преступление, но тут увидел, что его враг мертв. Падая, рыцарь Ансельм свернул себе шею.

Готфрид отшвырнул нож и сел, не замечая, что вокруг него грязная лужа. У него дрожали от слабости руки, а ноги вдруг стали словно чужими.

Из кареты осторожно вышла Эрмелинда. Молодая женщина поняла, что схватка окончена и теперь, возможно, потребуется ее помощь. У нее было белое, как снег лицо и плотно сжатые, без кровинки губы.

Готфрид посмотрел на молодую женщину и улыбнулся. Улыбка получилась довольно жалкой...

– Мне еще дед говорил, что самый худший вид смерти – безумие, – сказал Готфрид. – Кстати, он обвинял в нем отца, когда он женился на моей матери.

Эрмелинда кивнула. Она помогла встать молодому человеку и усадила его на порожек кареты. Полуоглушенный Готфрид едва держался на ногах.

Вернулся третий, удравший с поля боя солдат. Он и Эрмелинда смогли поймать коня Ансельма – иного способа продолжить путешествие просто не было, потому что усадить высокого человека, закованного в рыцарскую броню, в маленькую карету было примерно таким же «подвигом», как попытка запихнуть недельного утенка в скорлупу его яйца.

Готфрид словно со стороны наблюдал за суетой двух людей и вдруг снова улыбнулся тому, как сильно испачкался в грязи подол платья Эрмелинды. Тем не менее, раскрасневшееся лицо молодой женщины казалось ему удивительно красивым.

«Она совсем не смотрит на меня», – подумал молодой человек. Его кольнуло в сердце что-то похожее на грусть.

Потом он решил, что в данный момент представляет со-

бой откровенно жалкое зрелище и поблагодарил Бога. Во-первых, за то, что на него не смотрит его красивая госпожа, и, во-вторых, за победу, которой, в сущности, не должно было быть.

Когда Готфриду подвели коня, он встал сам, без чужой помощи. Но садиться на коня ему пришлось уже с помощью не одного, а двух человек. Слева от Готфрида маячила алая от стыда щека солдата, а справа розовое ушко Эрмелинды.

«Ну и видок у меня сейчас!..» – подумал Готфрид.

5.

Барон Хейн Берингар скончался 15 марта 1079 года. Барона убило вино и мысль, что на поле близ Мельрихштадта он упустил короля Генриха IV. И хотя запасы вина в замке Берингар были уничтожены больше, чем на две трети, барону так и не удалось победить обиду на свою судьбу.

За три дня похорон Эрмелинда стала старше на несколько лет. Но даже траур не скрывал очарования ее юности. Граф Болдер Лоринг и барон Дедрик Штайнмайер едва ли не перед гробом покойного супруга стали объяснять Эрмелинде, что красивая и молодая женщина не может оставаться одна. Граф Болдер, казалось, был более убедителен, потому что уже успел похоронить трех жен, но барон Дедрик делал упор на свой древнейший в Германии род. Оба претендента на женское сердце и замок Барингар проявляли упор-

ство, а несколько раз светские беседы чуть было не переходили в драки. Но проблема не ограничивалось выяснениями отношений только между женихами. Терпкое вино Берингара кружило головы гостям и, общаясь с вдовой, они могли запросто пустить в дело не только язык, но и руки.

Эрмелинда была вынуждена призвать на помощь Готфрида. Тот надел боевые доспехи, включая шлем и забрало, что обычно не делали в замке, и не отходил от молодой вдовы дальше, чем на два шага. Во время всех светских бесед Готфрид неподвижно стоял чуть сзади Эрмелинды. Высокий, широкоплечий благодаря доспехам и молчаливый, как статуя, рыцарь производил должное, а главное, нужное впечатление. Слава его победы над Ансельмом фон Астером, отправившим на тот свет десяток доблестных рыцарей, уже облетела всю Саксонию.

Жизнь Эрмелинды не стала тише и после похорон мужа. Буквально через неделю к стенам Берингара, во главе внушительного отряда, явился граф Болдер Лоринг. Очевидно, граф привык брать женские сердца исключительно штурмом и, не считаясь с последствиями, которые могут повлиять на предмет его штурма.

Но, собственно говоря, это была не осада замка, а попытка взять его измором. Граф разбил свой лагерь рядом с главной дорогой ведущей из Берингара в Дрезден. Разбойничий и вечно пьяный рыцарский стан распугал всех крестьян и лишил продовольствия замок. Не объявляя войны и уже не

заговаривая о свадьбе, граф просто на просто вел себя самым наглым и хамским образом. Он рассчитывал, что рано или поздно его пригласят в замок для переговоров, а уже там он сумеет воспользоваться близостью к Эрмелинде и ее спальне.

Хозяйка замка страдала и не знала, что ей делать. Половина воинов Берингара погибла во время войны с королем Генрихом, две трети из оставшихся разбежались после смерти барона Хейна в поисках более удачливой судьбы, и крохотный гарнизон замка состоял всего из двенадцати воинов во главе с Готфридом. Граф Болдер привел с собой две сотни и, судя по целому обозу из бочек с вином, уходить в ближайшее время не собирался.

Воскресным утром, 2 апреля, из ворот Берингара выехал Готфрид Вендель. В свете восходящего солнца латы рыцаря казались покрытыми серебром, а наконечник его длинного копья отсвечивал зловеще красным.

Подъехав к лагерю графа Болдера, Готфрид вызвал на дуэль его или любого, из его воинов, которого выберет сам граф. В лагере долго молчали. Очевидно, давали знать то ли последствия вчерашней пирушки, то ли граф попросту растерялся. Наконец, в лагере произошло какое-то движение, и навстречу Готфриду выехал Джерлак по прозвищу Черная Смерть. Когда-то этого рыцаря звали Али Асанчак, он служил эмиру Кордовы и считался одним из его лучших воинов. Попав в плен, Али принял христианство, но не стал от этого

менее злобным и жестоким. Небольшого роста, он, казалось, сливался с конем в единое целое. О быстроте и ловкости этого «кентавра» ходили легенды.

Рыцари подняли копья в знак готовности к поединку. Первым устремился в атаку Джерлак. Он быстро сместился в сторону, стараясь напасть на противника слева, то есть с той стороны, с которой ему «грозил» щит Готфрида, а не его копье. Готфрид отбил удар. Джерлак чуть ли не на месте развернулся, поднял коня на дыбы и нанес второй удар уже в спину, проскочившему мимо него рыцарю. Копье сломалось, Готфрид удержался в седле, и рыцари обнажили мечи.

Эрмелинда наблюдала за поединком с крепостной стены и мало понимала в том, что происходит там на поле. Иногда до нее долетали дикие выкрики Джерлака. Эрмелинда видела, с какой яростью и быстротой нападал на Готфрида рыцарь в черных латах и в ее сердце тихой струйкой потек страх. Несколько раз меч Джерлака касался доспехов Готфрида, один раз скользнул по шлему и вдруг изо всей силы обрушился на его правое плечо. Нанося этот мощный удар сверху, Джерлак привстал в седле. Но сила требовала времени для замаха. Готфрид переложил меч в левую руку, как мог, отвел в сторону правое плечо и ударил мечом снизу, под забралом Джерлака. Все произошло настолько стремительно, что Эрмелинда вскрикнула только после того, как мертвый Джерлак свалился на землю. Его пробитый изнутри шлем (меч Готфрида прошел через голову рыцаря) покатился в

сторону лагеря графа Болдера. Чуть склонившись направо и придерживая правую руку левой, Готфрид направил коня к воротам Берингара...

6.

Раздосадованный граф Болдер, может быть, и покинул бы окрестности замка Берингар, но тут явился барон Дедрик Штайнмайер. Войско барона было немного меньше, но едва ли не половину его составляли опытные наемники-ландскнехты и просто разбойники из северных лесов. Граф Болдер нахмурился и приказал вдвое усилить ночную охрану.

Барон Дедрик расположился поблизости от лагеря своего конкурента и – явно нарушая этикет – почти не обращал на него внимания. Не долго думая, Дедрик Штайнмайер предъявил права на замок Берингар. Лично явившись к воротам Берингара, он стал размахивать какими-то бумагами якобы подписанными покойным бароном Хейном. Сумма долга барона, по словам его бывшего друга, составляла едва ли не астрономическую величину, а сам замок Берингар не стоил и ее половины.

Эрмелинда не вышла к барону и его претензии остались без ответа. Барон Дедрик хмыкнул и прежде чем уйти, прокричал вверх, на стены, что в стране, лишенной законного короля, все решает «сила права». Слова «сила» он произнес с особенным нажимом и поэтому «право» осталось где-то

там, на втором плане.

Рыцарь Готфрид, получивший довольно сильную рану в схватке с Джерлаком, лежал в горячке. Копье Джерлака пробило доспехи на спине Готфрида, сломало ключицу, а меч распорол мышцы на груди на глубину сустава пальца. Раны заботливо обработали, но вряд ли кто «обрабатывал» наколечник копья и лезвие меча Джерлака. По ночам Готфрид бредил и звал мать. Эрмелинда несколько раз посетила своего верного защитника и один раз сама сменила ему повязку на груди.

Между тем кандидаты в мужья красавицы Эрмелинды терпеливо ждали возле замка и тщательно избегали ссор между собой. Солдатам и рыцарям графа Болдера не хотелось связываться с головорезами барона Дедрика, а сам барон отлично понимал, что его ландскнехты и разбойники больше привыкли действовать из засад и атаковать малочисленного противника, чем воевать в открытом поле с численно превосходящим врагом.

Оба, и граф и барон, посматривая на стены замка, понимали, что штурм его бесполезен. У них не было штурмовых лестниц, катапульт и даже простых лопат, которые не менее необходимы для атаки на хорошо укрепленный замок.

Время шло, нужно было что-то делать, и барон Дедрик решил. Ровно в полночь его солдаты забросили пару веревок с крюками на стены Берингара и тихо полезли вверх. Один часовой был убит, но второй успел поднять тревогу. К

этому времени на стенах замка было уже пятеро ландскнехтов. Они попытались прорваться к воротам, чтобы открыть их, но нарвались на отчаянное сопротивление. Защитники замка отлично понимали, с кем они имеют дело. Наемники и лесные бандиты не знали пощады к пленным.

Пока шла схватка вблизи ворот, на стены замка успели подняться еще четверо врагов. Кое-то из них уже взвыл от радости видя, что стена пуста, но тут появился Готфрид. Его тело защищали только кираса, на голове не было шлема, а меч он держал в левой руке. Разбойники смело набросились на рыцаря, но тут же один из них налетел грудью на меч, а второй получил такой мощный удар ногой в пах, что упал и потерял сознание. Схватка продолжилась меньше полуминуты. Одному из разбойников удалось задеть мечом раненую правую руку рыцаря, а второй зацепил мечом его голову и рассек лицо. Но плата за эти удары оказалась страшнее – первый разбойник потерял руку, которую Готфрид отсек, вырывая меч из груди того, кто ранил его в голову и лицо. Затем рыцарь перерубил веревки, и внизу послышались проклятия тех, кого последнее действие Готфрида застало на половине пути и им, помимо воли, пришлось возвратиться в не столь уж близкий ров под стеной.

Спустившись к воротам, Готфрид быстро решил исход схватки. Пленных не было... Готфрид присел у стены и закрыл глаза. Когда о нем вспомнили и тронули за плечо, он не открыл глаза, а стал заваливаться на бок. Его поддержали,

потом уложили на носилки и унесли в его комнату.

Эрмелинда плакала у постели Готфрида и просила рыцаря не умирать, потому что она останется совсем одна. Новые и старые раны рыцаря заново обработали. Местному лекарю – Киферу Тойцу – больше всего не понравилась рана на голове.

– Слишком сильный удар, – посетовал он. – Пробита кость.

Кифер Тойц сделал все, что положено сделать врачу, а затем, воздав просьбы и хвалы Богу, рыцаря оставили под присмотром старой прачки. Людей в замке не хватало, и каждый нес двойную, а то и тройную нагрузку.

... Ночью Готфриду приснился странный сон. Пол его комнаты вдруг словно покрылся легкой дымкой, похожей на ту, которую можно увидеть утром над озером, и откуда-то из стены справа вышло странное существо, похожее на крысу. Оно было примерно полутораметрового роста, ходило на двух лапах и сильно сутулилось, передвигаясь по комнате. Вместо одежды существо покрывала густая шерсть.

Приблизившись к Готфриду, существо обнюхало его и пробормотало что-то на языке, похожем на латынь. Рыцарь увидел его глаза – они были большими, круглыми, с узкими, вытянутыми зрачками. Лицо существа скорее напоминало звериную морду, чем лицо человека.

Незнакомец сел на постель в ногах Готфрида и сказал:
– Поживешь еще... – в его голосе прозвучала усмешка.

– Ты – смерть? – одними губами спросил рыцарь.

– Нет. Меня зовут Джис Малый. Я пришел, чтобы загадать тебе одну загадку: что на свете хуже всего и для тебя и для меня?

У Готфрида сильно болела голова, и фигура, сидящая на его постели то двоилась; то словно становилась меньше, еще сильнее делаясь похожей на огромную крысу; то словно почти растворялась в воздухе, превращаясь в черное, расплывчатое облако.

Время шло и, судя по всему, тот, кто назвал себя Джисом Малым, ждал ответа.

Готфрид закрыл глаза и стал читать молитву. Когда он открыл их, дымка на полу стала редеть и до слуха рыцаря доносилось пенье петуха. Существа в комнате не было, но почему-то сильно пахло горелым углем.

«Что хуже всего на свете для меня, я, может быть, и знаю...» – подумал Готфрид.

Он вспомнил лицо Эрмелинды.

– Ты глуп! – вдруг сказал ему голос похожий на тот, которым разговаривал с ним Джис. – Но ты еще узнаешь ответ.

Затем послышался резкий смешок.

Сон кончился и Готфрид открыл глаза. В комнате было уже светло, а рядом, на стуле дремала старая прачка. Она похрапывала, что-то бормотала во сне, а ее красные, большие руки на коленях шевелились так, словно стирали белье.

Соперничество графа Болдера Лоринга и барона Дедрика Штайнмайера закончилось на следующий день, когда в Берингар прибыл сильный отряд под предводительством сына пфальцграфа Фридриха Ганса Обенау. Старый Фридрих уже прослышал о смерти давнего друга, он кое-что знал о его молодой и красивой жене и, хотя сам не смог прибыть на похороны по ряду важных причин, решил послать в Берингар своего младшего сына.

Ганс Обенау смело подъехал к воротам крепости, снял шлем и, широко улыбнувшись, громко крикнул:

– Не бойтесь, баронесса, я уже здесь!

На него сверху смотрели хмурые лица и стрелы арбалетов. После ночной схватки люди были напряжены и, мягко говоря, неприветливы.

Эрмелинда вышла на стену спустя час. Ганс Обенау терпеливо ждал. Он попытался было поговорить с защитниками крепости, но те хмуро отмалчивались. Ганс слез с коня, ослабил пару застежек на доспехах и, облокотившись на перила короткого въездного моста, принялся рассматривать воду во рву. Потом он любовался облаками и улыбка, как и прежде, не сходила с его молодого, красивого лица. Прождав час, рыцарь не выказал ни тени нетерпения или досады на женскую неторопливость.

Если траур красит женщину, это значит, что она облада-

ет особой, утонченной красотой. Эрмелинда разговаривала с Гансом со спокойным достоинством. Молодой граф вдруг стал меньше улыбаться и не сводил глаз с лица молодой вдовы. Сын пфальцграфа дал слово, что прибыл на защиту замка по давнему договору, заключенному между его отцом и бароном Хейном. Разговор Эрмелинды и Ганса продолжался около получаса, постепенно становясь все более непринужденным. Молодая женщина, в конце концов, не теряя достоинства, улыбнулась гостю.

Ворота замка открылись. Повеселевшие защитники замка приветствовали отряд Ганса Обенау, а со стороны лагерей графа Болдера Лоринга и барона Дедрика Штайнмайера вслед входящим в замок рыцарям и солдатам полетело несколько стрел.

Немного отдохнув с дороги и приведя себя в порядок, Ганс уже ни на шаг не отходил от хозяйки замка. Он много говорил, много улыбался, с ним было интересно, и Эрмелинда все более охотно отвечала гостю и словами и улыбками.

Перед ужином они оба посетили Готфрида. Ганс пожал руку раненного и сказал, что Готфрид – «лучший рыцарь на свете». Эрмелинда кивнула и тоже сказала несколько теплых слов. Разговор с Готфридом был недолгим и чтобы не утомлять раненного, пара покинула его скромные покои.

После ужина Ганс Обенау сделал Эрмелинде предложение руки и «самого влюбленного и пылкого сердца на свете». Молодая женщина выслушала предложение спокойно, бла-

госклонно и обещала подумать. Нетерпеливый Ганс рассмеялся и дал женщине целых полчаса. Он казался удивительно обаятельным в эту минуту, и женское сердце вдруг дрогнуло, сжалось, а затем, словно оживая и пробуждаясь к чему-то новому, забилося чаще.

Молодая пара вышла подышать свежим воздухом на единственный балкон замковой башни. Ночь была чудесной, звездной, но, увы, не тихой. Между лагерями графа Болдера Лоринга и барона Дедрика вспыхнула пьяная драка. Это была именно драка, а не бой, потому что ландскнехтам, солдатам и разбойникам было важно попросту выместить на ком-то свою злость.

– Ну их к черту! – засмеялся Ганс. – Они мне уже надоели.

Он поцеловал Эрмелинду в щеку. Женщина не отстранилась... Она посмотрела на звезды и сказала:

– Ты знаешь, мне очень-очень хочется быть счастливой.

– Наверное, ты открыла мне страшную тайну? – спросил Ганс и еще раз поцеловал упругую и горячую от волнения щеку.

Пьяная драка в солдатском лагере закончилась только к утру, а разговор Эрмелинды и Ганса еще позже.

8.

Свадьба Эрмелинды Берингар и Ганса Обенау состоялась через сорок дней после смерти старого барона – 26 апреля

1079 года. Торжество было малолюдным, почти семейным, но Эрмелинда вряд ли бы была счастлива больше, чем, если бы, свадебная церемония проходила в соборе Святого Петра в Риме.

Ганс оказался замечательным мужем. Когда Эрмелинда забеременела и ее мучили боли в спине, Ганс носил жену на руках до тех пор, пока она не усypала, а затем сидел рядом и гладил ее пышные волосы и горячий лоб. Девочка родилась в марте 1080 года и по настоянию Эрмелинды ее назвали Идан, что значит «снова любить». Эрмелинда быстро сбросила вес, набранный во время беременности, и превратилась в невероятно красивую женщину. Ее королевская осанка, высокая шея и движения, полные изящества, могли очаровать кого угодно. Когда Эрмелинда смеялась, показывая жемчужные зубы, ей просто невозможно было не улыбнуться в ответ. Ганс немного ревновал свою жену, но по-настоящему любил ее, и мужская ревность совсем не портила жизнь молодой пары.

Летом 1083 года Эрмелинда родила Герарда, а еще через два года – Астора. Оба малыша были очень похожи на отца, что вызвало восхищение Ганса. Казалось, Эрмелинда стала еще красивее, но... Грустнее! Дела войны все больше отвлекали Ганса от семьи, а ее дороги уводили его все дальше. После смерти своего отца пфальцграфа Фридриха в 1090 году, Ганс занял его место в лагере восставших.

Летом 1091 года Генрих IV обрушился на Саксонию всей

своей мощью. Но замок Берингар выстоял благодаря рыцарю Готфриду. Если Ганс Обенау сражался где-то там, севернее Дрездена, то его дом (и не только дом, но и семью) защищал Готфрид.

Вскоре война откатилась на запад, и стало немного тише. Когда Эрмелинда принимала официальных гостей в главном зале, а Ганса Обенау снова не было дома, рядом с его маленьким тронном всегда стоял Готфрид в полном рыцарском облачении. Чувствуя эту поддержку, Эрмелинда не терялась в самых тяжелых обстоятельствах. Очередной штурм Берингара королевскими войсками, снова двинувшимися на восток (кстати говоря, уж слишком сильно рассеянными по Саксонии то ли волей короля, то ли глупостью его командиров) был удачно отбит. Кроме того, отряд собранный Готфридом, нанес контрудар по собиравшимся под Мюглицталем королевским отрядам, предупреждая следующий штурм. Бой получился кровавым и, как и любой другой к своему концу превратился в откровенную резню. Стрелы норвежских наемников пробили латы Готфрида в трех местах на груди, а четвертая буквально прошила левую икру левой ноги и убила коня.

В Берингар раненный рыцарь вернулся на телеге укрытый как покойник рогожей с головы до ног. Увидев въезжающую в замок зловещую телегу, Эрмелинда дико вскрикнула и бросилась к ней... Едва взглянув на бледное лицо Готфрида, и поняв, что это не Ганс, она успокоилась и, склонившись над

рыцарем, по-женски тихо заплакала. Где-то завyla собака. Эрмелинда резко выпрямилась и приказала убить собаку. В ее глазах блеснул такой гнев, что солдат, поспешивший выполнить это приказание, исполнил его, даже не смотря на то, что у обнаруженной за конюшной собаки были маленькие щенки.

За раненым Готфридом ухаживали не хуже, если бы он был хозяином дома. Эрмелинда трижды в день навещала его. Их беседы были кратки, теплы, но малосодержательны. Готфрид говорил мало, а Эрмелинда не любила рассказывать о домашних проблемах. Но светлая нотка искренней симпатии к человеку, защищающему ее дом, помогала Эрмелинде быть доброй и естественной в этой доброте.

Домашний лекарь Кифер Тойц, уже не раз и не два лечивший Готфрида, как-то сказал о нем:

— Ну, до чего же крепко сшит этот парень! Видно наш добрый Господь отмерил ему тройную дозу здоровья, силы и выносливости.

Единственная рана, которая вызывала опасения у врача, была не от норвежских стрел. Ближе к концу схватки под Мюглицталем Готфрида едва не оглушили сзади ударом по затылку, и теперь он жаловался (в отсутствии Эрмелинды, разумеется, и только врачу) на то, что по утрам у него двоится в глазах, а перед дождем сильно болит голова.

Кифер Тойц чесал свой длинный нос и бормотал что-то по-латыни. Как ни странно, незнакомые слова успокаивали

Готфрида, а настойка трав, предложенная ему доктором, если и не полностью снимала головные боли, то существенно облегчала их.

– А что я еще могу сделать? – как-то раз сказал за ужином Тойц своему младшему коллеге Питеру Хофману. – Резаную или колотую рану можно обработать и зашить, можно вскрыть нарыв, но как влезть в мозги?

– Может быть, отлежится?.. – неуверенно спросил Питер.

– Может быть, – легко согласился Тойц. – Кстати, как лекарь, я и не вижу другого выхода.

Однажды ночью Готфриду снова приснилось существо, посетившее его много лет назад и назвавшее себя Джисом Малым. На этот раз оно сидело в кресле, в котором обычно размещался Кифер Тойц, и с любопытством разглядывало лицо Готфрида.

«Кто ты и зачем ты здесь?» – хотел было спросить рыцарь. Но его губы едва шевельнулись, а в горле булькнул и тут же оборвался хрип.

Существо усмехнулось, чуть наклонилось вперед и почесало макушку своей яйцеобразной головы. Готфрид увидел небольшие, изогнутые к затылку рожки.

– Ну, как живешь? – спросил Джис.

Готфрид закрыл глаза и стал читать молитву.

– Не стоит, – заверил его Джис. – Ну, посуди сам, я бы не явился к тебе, если бы знал, что то, что ты сейчас бормочешь, может меня прогнать.

Готфрид продолжил молитву.

Джис пожал плечами. Он протянул руку к столику, на котором стояли баночки с мазями и настойками, и взял последнюю из них, ту, которую оставил Кифер Тойц после жалобы Готфрида на боли в голове.

– Обыкновенная пустышка, – хмыкнул Джис, едва понюхав лекарство.

Взмахнув рукой, он словно поймал в воздухе что-то у себя за спиной и добавил это невидимое нечто в баночку с лекарством. Затем черт встал и кое-как ухватив баночку каминными клещами, принялся разогревать ее над еще не остывшими углями в камине.

В трубе выл ветер, а за окном постукивала плохо закрепленная ставня. Закончив с лекарством, черт снова понюхал баночку, поморщился и поставил ее на стол.

– Ты отгадал мою загадку или нет? – спросил он.

Готфрид сбился со слов молитвы... Он не помнил никакой загадки.

– Ну, еще бы, ведь столько времени прошло, – снова усмехнулся Джис. На его морде появилось что-то хитрое и крысиное. – Хорошо, я спрошу тебя еще раз: что на свете хуже всего и страшнее для тебя и для меня?

Готфрид вдруг улыбнулся и спросил:

– Говорят, что черти очень хитрые и задают не простые вопросы. Ты спрашиваешь и про меня, и про себя. Может быть, ответ на твой вопрос нужно искать именно в этом?

– В чем именно?

– В точке, где наши судьбы пересекаются.

– Ты не глуп!

Черт хихикнул и завозился в кресле.

Головная боль вдруг сжала голову Готфрида железным, пылающим обручем. Он вскрикнул, с трудом поднял руку и прижал ладонь к глазам. Зеленые и желтые круги во тьме напознали друг на друга и светились холодным, мертвенным светом. Не было ничего кроме боли, и эта боль заслонила собой все.

«Как в аду» – успел подумать Готфрид.

– Я ухожу, – сказал Джис. – А ты запомни только одно: я не зря задаю свои загадки.

Готфрид застонал. На секунду боль вспыхнула с особой силой. Потом зеленые и желтые круги во тьме стали менее яркими, начали растекаться, превращаясь во мрак. Боль уменьшилась, переместилась к затылку и пульсировала там короткими рывками.

Готфрид открыл глаза. Джис исчез...

9.

Утром Готфрид отказался пить лекарство из баночки, на боках которой была явно видна копоть. Его сиделка – троюродная сестра Эрмелинды Марта, сорокалетняя некрасивая приживалка и истово богомольная женщина – не хотя

согласилась с раненым. Она унесла баночку на кухню. Веря не только в Бога, но еще и в медицину Кифера Тойца Марта перелила лекарство из закопченной баночки в другую, чистую. Потом женщина добавила святой воды и, трижды перекрестив лекарство, понюхала его. К удивлению женщины оно не пахло ничем. Марта немного подумала и добавила в варево имбиря и совсем чуть-чуть драгоценной ванили. Новый запах оказался приятным и, как показалось женщине, освежающим. Вечером Марта вернула лекарство на столик Готфрида.

Жизнь в замке продолжалась... Через неделю Готфрид встал на ноги. Он, прихрамывая, бродил по замку и не знал, чем ему заняться. Начальник гарнизона замка Берингар был одет в домашний халат, а его ноги украшали арабские тапочки с загнутыми носами. Слабость еще давала о себе знать, Готфрид часто присаживался и щурился на солнце, если приступ слабости застал его снаружи, а если внутри, он долго и внимательно рассматривал цветные витражи готических окон и о чем-то думал.

Увидев Готфрида в домашнем халате, Эрмелинда едва не расхохоталась. Готфрид без лат, вдруг превратился в барона-домоседа с заспанным и уставшим лицом.

Готфрид покраснел как мальчишка и бежал, причем его движения из-за сильной хромоты казались не менее смешными.

– Как ваше здоровье? – крикнула вслед рыцарю Эрмелин-

да.

Ответом ей послужил звук захлопнувшейся двери.

В следующий раз Эрмелинда увидела Готфрида только через три дня. Из Дрездена прибыл старый барон Йохан Обенау дядя Ганса и Готфрид – с ног до головы облаченный в доспехи – снова стоял рядом с маленьким и пустым тронм своего господина.

Старый барон привез самую дурную весть: в битве при Эрфурте был убит Ганс Обенау. Эрмелинда побледнела как полотно и сказала, что не верит этому. Старик Йохан вздохнул и молча развел руками. Он мог бы рассказать многое о гибели своего племянника. Ганс шел в атаку в первой линии рыцарей и под ним убили коня. Уже после боя, после многочисленных атак и отступлений, оруженосцы Ганса нашли на перепаханном тысячами конских копыт поле настолько обезображенный труп своего господина, что его с трудом отличили от остальных. Генрих IV азартно преследовал отступающих саксонцев. Обозы один за другим попадали в руки короля, и в одной из телег было обнаружено тело Ганса Обенау. Король приказал вздернуть на виселицу мертвого бунтовщика. Потом его тело сожгли...

Ничего этого Эрмелинда, конечно же, не узнала никогда, но женское горе не стало от этого меньше. Она закричала... Крик тридцатилетней, молодой женщины был тоскливым и страшным, как вой раненой волчицы. Йохан Обенау снова развел руками...

Эрмелинду увели и попытались хоть как-то успокоить. Вся многочисленная женская челядь замка от последней посудомойки, до преданной сестры Марты, казалось, знала тысячи рецептов, как успокоить женское горе и каждый спешил высказать их. Особенно неистовствовал Кифер Тойц. Старый лекарь дважды пускал женщине кровь, обложил ее голову льдом из подвала, а ноги велел протирать горячей водой. Когда Эрмелинда вдруг принялась биться в припадке очень похожем на безумие, Тойц связал свою хозяйку. К вечеру положение ухудшилось. Эрмелинду напоили каким-то особым отваром трав (опять-таки по рецепту Тойца), но не помогло и это. Был срочно вызван священник и, не отходя от постели больной, он всю ночь читал молитвы. Эрмелинда затихла и смотрела в потолок пустыми, холодными глазами.

Утром в спальню своей госпожи пришел Готфрид. Отогнав от постели Эрмелинды всех, включая растерянного Тойца, он присел на стул рядом.

Женщина едва повернула голову и посмотрела на рыцаря так, будто видела его впервые.

– Ты должна плакать, – сказал Готфрид. – Если женщина не плачет, ее горе может убить ее.

Усмешка тронула губы Эрмелинды.

– Плакать о муже? – тихо спросила она. – Но его больше нет и что я могу выпросить у Бога?

– Тогда плачь о своих детях, которые скоро останутся без матери.

В глазах женщины появилась искра удивления.

– Твою дочь зовут Идан, а сыновей Герард и Астор, – голос Готфрида звучал так властно, что доктор Тойц невольно попятился к двери. – Плачь!

– Я не могу...

Лицо Эрмелинды искривилось и вдруг стало старым и больным. Готфрид протянул руку, просунул ладонь под голову женщины и чуть приподнял ее.

– Плачь!

Голова женщины задергалась, по горлу прошли судороги, но слез не было.

Готфрид ударил Эрмелинду по щеке.

– Плачь!

Эрмелинда заплакала... Сначала почти беззвучно, потом все громче и громче. Вечером она уснула, а утром, когда открыла глаза, увидела у себя на плече первую прядь седых волос.

10.

Три года прошли тускло и вяло... В замке не было слышно детского смеха, а люди разговаривали друг с другом полупотом. Где-то там, за стенами, шла гражданская война, но на нее словно перестали обращать внимание. Эрмелинда почти не выходила из своих покоев, ограничивая себя общением только с детьми, Мартой и иногда доктором Тойцем. Редкие

визиты Готфрида Эрмелинда скорее терпела и ограничивалась тремя-четырьмя словами, из которых первое было «да», второе «нет», а третье и четвертое – «как хотите».

Готфрид был уже не только начальником гарнизона, но и полным правителем Берингара. Но если его военные знания были велики, то хозяйственные – минимальны. Не смотря на все свои старания, Готфрид скоро понял, что нищета уже на пороге, а кредиторы, если им удастся объединиться, просто сотрут замок с лица земли. Готфрид несколько раз нанимал новых управляющих хозяйством, но ни к чему хорошему это не привело. И кандидаты на эту должность пропали совсем, после того, как он повесил за воровство одного из них.

Что же касается окрестных крестьян, то они уже посматривали на стены замка без страха и все с большим презрением. Если бы не Готфрид, крестьяне могли осмелеть настолько, что недалеко было и до беды. Однажды Готфриду все-таки пришлось разгонять возбужденную толпу, направляющуюся в замок. Это были в основном молодые крестьяне, которых сопровождали их матери, пытающиеся удержать их от бунта. После короткого и злого разговора самый молодой и рослый малый бросился на Готфрида. Легко отразив удар вилами, рыцарь мог одним ударом меча убить нападавшего, но пощадил его, ударив мечом плашмя по левому плечу парня. Тот охнул и осел на землю. Толпа попятилась и затихла...

Вечером в замок пришла мать раненого. Она, с плачем поблагодарила Готфрида за сына и опустилась на колени. Гот-

фрид нахмурился и поднял с земли женщину. Так чтобы никто не видел, он сунул ей пару серебряных монет. У пострадавшего парня была сломана ключица и вряд ли в ближайшее время он смог бы работать.

Женщина улыбнулась сквозь слезы и сказала:

– Возьмите это... – она сунула за наплечник лат Готфрида какую-то бумажку. – Эту молитву мне прислал мой брат, который ушел с крестоносцами в Иерусалим. Если бы он написал мне письмо на ста листах, он не написал бы больше.

Записка легко уместилась между железом лат и прокладкой из войлока. Готфрид забыл о ней сразу же, потому что было слишком много дел и слишком мало времени для молитв.

А дела шли все хуже и хуже... В конце концов Готфрид признался Эрмелинде, в том, что в Берингаре скоро наступит голод.

В замке снова появился старый Йохан Обенау. Эрмелинда ожила... Она стала прежней деятельной женщиной. На ее бледном лице уже не было тени страдания, а темные глаза смотрели твердо и властно. Дела удалось поправить, но долги все равно увеличивались.

Вскоре в замок приехал сын старого друга Йохана Обенау – Август Бибер. Это был сорока пятилетний, полный, спокойный мужчина с водянистыми голубыми глазами. В Дрездене Августа называли «барон-купец» и в этом насмешливом прозвище была большая доля истины. Барон Август

Бибер ни разу не участвовал в войнах, предпочитая им торговые операции. Еще поговаривали, что барон является тайным союзником короля Генриха IV, но слух был тихим, а долги знати оборотистому барону огромными. Изощренный ум Августа Бибера мог все. Он мог в считанные дни собрать огромную армию, но она всегда опаздывала к началу боевых действий и в итоге присоединялась к победителю; он мог дать в долг своему злейшему врагу, но тот, как правило, прогорал на запланированной сделке и платил своим недвижимым имуществом, отданным под залог за гроши; он мог выстроить богатую церковь, разорив при этом десяток деревень.

Эрмелинда приняла барона холодно, но именно холодность и даже надменность больше всего понравились толстяку Августу Биберу. Его первым комплиментом владелице Берингара было искреннее слово «королева» и других уже не было. Август Бибер не страдал от недостатка воображения, он просто не мог видеть Эрмелинду другими глазами. Барон был невысок ростом, и когда он смотрел на Эрмелинду, он смотрел на нее снизу вверх.

В сентябре 1097 года Эрмелинда третий раз вышла замуж. Август Бибер был счастлив и на некоторое время переехал из Дрездена в Берингар. К замку тотчас потянулись нити сотен торговых сделок, заговоров и интриг. Штат замка разросся чуть ли не втрое, но, сначала по настоянию Эрмелинды, а потом и уже по своему собственному желанию, барон оста-

вил верного Готфрида начальником гарнизона. Сначала водянистые глаза Августа Бибера посматривали на Готфрида с явным подозрением, но потом взгляд смягчился, правда, так и не став до конца доброжелательным.

Как уже было сказано, барон избегал войн как больших, так и малых, но избежать их полностью было невозможно. Весной 1098 года Берингар обложили войска графа Адольфа Краузе – непримиримого врага Генриха IV, мечтавшего только об одном – повесить короля. За не имением под рукой Его Величества для скорого и справедливого исполнения своего приговора, граф решил заняться его тайным (по его убеждению) приспешником.

Прежде, чем Август Бибер собрал и организовал союзников, Берингар целый месяц жил в осаде. Замок выдержал все обстрелы из тяжелых катапульт и три штурма. Если бы осажденные только оборонялись, замок наверняка пал. Но Готфрид проводил вылазку за вылазкой, а его копье и меч сеяли вокруг страх и панику. Воины охотно слушались своего предводителя, потому что Готфрид умел не только воевать, но и чувствовать пульс войны. Вылазки из замка всегда начинались крайне не вовремя для врага, а заканчивались тем, что озлобленные неудачей рыцари и солдаты графа Краузе, бросались следом за солдатами Готфрида, но налетали на стены и запертые ворота и их потери возрастали едва ли не вдвое.

– Этому малому цены нет! – как-то раз, в постели, сказал

своей красавице-жене Август. – Если бы он не стал рыцарем, из него получился бы отличный дровосек, способный одним ударом срубить дуб или повар, который за минуту смог бы нашинковать целую бочку капусты.

Эрмелинда мало говорила о Готфриде и сердце барона (к его удивлению оказавшееся способным к ревности) постепенно успокаивалось. Правда, он потихоньку и тщательно расспросил всех слуг об отношениях Готфрида и Эрмелинды, прежде чем его сердце успокоилось окончательно.

Август Бибер стал выказывать Готфриду дополнительные знаки внимания и утроил его жалование. Несколько раз он предлагал рыцарю сопровождать его в своих деловых поездках в Дрезден, но Готфрид упорно отказывался. Берингар находился в глухом месте, и его оборона всегда должна была быть на высоте.

Летом 1098 года осаду замка сняли окончательно, а Эрмелинда родила девочку. Одна ножка малышки была короче другой, но Эрмелинда восприняла эту ужасную новость спокойно в отличие от всех и даже от мужа.

Август Бибер последними словами ругал графа Адольфа Краузе затеявшего войну в самый неподходящий момент. Барон был убежден, что именно осада замка – грохот обстрелов из катапульт, всеобщее озлобление солдат и страх жителей замка – отразились на внутриутробном развитии маленькой Агнеты. Едва ли не впервые в жизни напившись допьяна, барон дал страшную клятву, отомстить неистовому

графу чего бы это ему не стоило.

Между тем Европа стремительно менялась, и причиной этому был Клермонтский собор 1096 года провозгласивший начало крестовых походов в далекий Иерусалим во имя освобождения Гроба Господня. Граф Адольф Краузе потерявший надежду победить не только короля, но даже его мелкого приспешника барона Бибера, ушел в сторону Византии с первым же из отрядов воинов Господних. Август Бибер постарался найти «своего человека», который постоянно будет рядом с графом и рано или поздно позаботится о том, чтобы граф, если он даже дойдет до Иерусалима, там бы навеки и упокоился.

Устроив дела личной мести, барон едва ли не сразу забыл о ней и радостно потирал руки. Судя по блеску его водянистых глаз, его одолевали грандиозные деловые проекты.

– Пришло мое время, дорогая, пришло!.. – заявил он Эрмелинде.

Возбужденная Саксония, Бавария, Тюрингия, Франция, Италия и Англия думали только о крестовых походах. Их подготовка требовала оружия, провианта, фуража и людей.

– Нам нужно перебираться в Дрезден, – пояснил барон.

Эрмелинда спокойно взглянула на оживленного мужа и пожалала плечами. Поскольку ответ был неясным, барон повторил свое требование.

– Я никуда не поеду, – ровным голосом сказала Эрмелинда.

Барон попытался выяснить причину отказа, но вдруг натолкнулся не на какую-то конкретную мысль, а на что-то расплывчатое, что можно было бы назвать эмоциональным отторжением самой его идеи.

Разность взглядов в самом прямом смысле этого слова, когда мужской логике противостоит женская эмоциональность, быстро привела к открытой и громкой ссоре. Утром ссора возобновилась и продолжалась до тех пор, пока Эрмелинда не закрылась в спальне.

– Это черт знает что! – заявил барон.

Утром он уехал в Дрезден один.

11.

В течение трех лет барон Август Бибер бывал в Берингаре только наездами. Со временем его визиты становились все короче. Барона больше волновали осада Никеи и взятие Антиохии. В 1099 года пал Иерусалим. Европа неистовствовала от радости. Впрочем, ее внутренние проблемы только притихли, и участие в них умного человека давало ему блестящие перспективы и возможности. Барон Бибер кипел энергией, но именно в Берингаре он не находил ни одного человека способного понять его. Поэтому упоминание черта, когда барон покидал замок, становились все более частыми.

Эрмелинда со временем вскормившая грудью маленькую Агнету, отдалилась от нее, словно видела в маленькой,

хромой и некрасивой девочке отражение барона Бибера. Остальные дети тоже сторонились девочки, и она частенько одиноко играла под вязом возле черного входа в кухню. Когда она заболела корью, этого никто не заметил. Девочка провела ночь на улице, под тем же вязом, уснув на лавочке.

Утром на Агнету натолкнулся Готфрид и не слова не говоря, взял девочку к себе. Комната рыцаря, довольно просторная, с камином и двумя узкими и высокими окнами, вдруг показалась рыцарю слишком прохладной, хотя на дворе уже стояла середина мая. Готфрид уложил девочку на свою кровать, сам разжег камин, а затем, едва ли не за шиворот прихлопнув Кифера Тойца. Тойц был немножко пьян после вчерашнего дня рождения толстой поварихи, но, увидев у себя под носом рыцарский кулак, мгновенно протрезвел и взялся за работу.

Агнета выжила, но не покинула комнату Готфрида. Маленькой девочке было слишком одиноко и страшно в замке. При любой попытке отправить ее в детскую комнату (в которой она всегда была одна), Агнета возвращалась и плакала под дверью спальни Готфрида.

Эрмелинда только пожала плечами, узнав о привязанности дочери, но поскольку это был верный Готфрид, она согласилась, чтобы девочка какое-то время пожила вместе с ним. Это «время» превратилось в шесть лет, но даже потом Агнета ежедневно заглядывала в комнату «дяди Готфрида» и не стеснялась наводить там порядок, если прислуга плохо

выполняла свою работу.

Старшая дочь Эрмелинды Идан вышла замуж за французского графа Эдье в 1101 году и уехала в Париж. Крайне редкие письма от нее были короткими и рассказывали скорее о делах ее мужа, французской погоде и королевском дворе, но не о ней самой.

Средний сын Герард ушел в крестовый поход в 1103 году и уже через три месяца погиб в бою под далекой Эдессой. Младший Астор ушел вслед за братом на три года позже, и от него не было вестей.

Эрмелинда погрузилась в грусть... Она отчаянно скучала по детям, но двое были далеки, а третий уже никогда не вернется в замок. Эрмелинда плакала по ночам, и жизнь казалась ей пустой и лишенной смысла. Возраст хозяйки Берингара уже перевалил за сорок, и иногда она с грустью рассматривала в зеркале свое отражение.

В 1105 году из далекого Иерусалима вернулся некий рыцарь Андрэ Нижу. Плохо одетый, с горящими глазами фанатика, он долго бродил по Дрездену, разыскивая барона Бибера. Он нашел его на одном из приемов саксонского курфюрста и с бешеным криком «За графа Адольфа Краузе!», ударил его ножом в спину. Барон умер, не приходя в сознание, на следующий день.

Эрмелинда исполнила долг жены и увезла тело мужа в Берингар. Став в очередной раз вдовой, Эрмелинда сказочно разбогатела, потому что дела барона шли настолько превос-

ходно, что каждый третий саксонец считал его своим личным врагом. Смерть барона решила многие проблемы, Эрмелинда не страдала алчностью и многие должники барона Бибера если и не вздохнули с облегчением, то, по крайней мере, получили и передышку в выплатах, и снижение по процентам.

Эрмелинду ждали в Дрездене – ведь ей было всего сорок три и она была баснословно богата! – но женщина осталась в Берингаре. Она ждала писем от Идан и Астора и сама вела хозяйственные дела замка. Ее мир был упорядочен, чист и светел. Правда, в нем почти не было места для младшей дочери Агнет.

Что касается Готфрида, то верный страж Берингара всегда был рядом со своей хозяйкой. Когда та принимала гостей в зале, он – в полном вооружении и латах – снова стоял рядом с пустующим тронном ее мужа. Фигура рыцаря остужала горячие головы. Она делала несуразные требования более реальными, а часто и просто малозначительными и успокаивала слабых, ищущих поддержки у влиятельной госпожи.

Эрмелинда по-прежнему была красива и ее спокойная, изящная красота могла покорить кого угодно...

12.

Племянника графа Константина Асколонского звали Адалбрехт, что в переводе со старонемецкого означало «яр-

кое благородство» и ему было всего девятнадцать лет. Почти мальчик на вид, он был удивительно красив и едва ли не по-детски нежен благодаря этой красоте. Он и его мать Грета Харман были вынуждены покинуть Святую землю по очень простой причине – граф Аскалонский нашел новую жену и та вела в его замке так, словно Грета – троюродная сестра графа по материнской линии! – была ее служанкой. Правда, ходили и другие слухи, что юный Адал, принятый в личный отряд графа, проявил трусость в бою, а его стремление к сладострастию было едва ли не болезненным влечением. Но это были только слухи. Едва взглянув в лицо Адалбречта, Эрмелинда верила только ему и его матери.

Гости задержались в замке Берингар сначала на неделю, а через две Адалбретч провел ночь в спальне Эрмелинды. Сорокапятилетняя женщина влюбилась в молодого человека со всей страстью и неистовством, на которую была еще способна ее природа. Ее любовь была похожа на неутолимую жажду. Сам Адал принимал все как должное.

Первой о свадьбе заговорила Грета Харман. Адал пожал плечами. Эрмелинда, оставшись с Гретой одна, сначала покраснела до кончиков волос, но, справившись с собой, она гордо вскинула голову и сказала, что согласна на все и любит Адала всей душой.

Осенью 1107 года Эрмелинда вышла замуж четвертый раз. Но счастье оказалось коротким. Адал оказался настолько любвеобильным, что не брезговал девушками с кухни, и

деревенскими простушками, привозящими в замок свежее молоко. Почти каждый месяц он на неделю уезжал в Дрезден и слухи о его похождениях шли волна за волной. Любовь Адала к деньгам оказалась не меньшей, а траты на подарки многочисленным возлюбленным огромными.

Эрмелинда ревновала своего ветреного супруга, но каждый раз прощала его, тем более что Грета Харман, успевшая стать ее верной подругой, была постоянно рядом с ней. Многочисленная прислуга Берингара и родня Эрмелинды была бессильна помочь ей. Эрмелинда могла выгнать из замка любого слугу, сказавшего дурное слово об Адале, и безвозвратно рвала родственные связи. Даже старый, восьмидесятилетний Йохан Обенау решившийся поговорить начистоту со своей племянницей после краткого разговора с ней, больше не показывался в замке, а через полгода Эрмелинда не приехала на его похороны.

Только два человека в замке могли безбоязненно посмеиваться над Адалом и говорить о нем все, что думают. Это были Готфрид и Агнета. Готфрид был честен от природы и не знал страха, а десятилетняя девчонка оказалась не по годам умной и наблюдательной.

Эрмелинда избегала дочери и своего верного рыцаря. Грета Харман, растолстевшая за два года жизни в замке Берингар как мышь на дармовой крупе, не смогла сделать большего. Если она принималась говорить об Агнете или Готфриде, Эрмелинда опускала голову и ничего не говорила в от-

вет. Это был дурной признак и, опасаясь гнева владелицы Берингара, Грета замолкала.

Жизнь в замке снова изменилась. Но, став более яркой, она не стала более живой. Эмоциональный мир Эрмелинды был переполнен, но если рядом не было Адала, все вокруг вдруг пугало ее своей серостью и пустотой. Чтобы не отпустить мужа в Дрезден, она попробовала устраивать пышные приемы в замке, но родственные отношения были уже испорчены, а многочисленные должники не прибавляли веселья в Берингаре.

Тогда Эрмелинда заговорила о путешествии в Святую землю. Грета ужаснулась и принялась рассказывать ей о диких болгарах, византийцах и арабах.

– Но разве смерть обходит кого-нибудь стороной? – Эрмелинда нашла в себе силы улыбнуться.

Грета ответила, что и не стоит звать ее раньше времени.

После рождества 1109 года, в начале января, Готфрида свалила сначала простуда, а потом у него снова начались сильные головные боли. Агнета не забывала своего «дядю» и почти все время проводила с ним. Иногда их навещал Кифер Тойц или кто-либо из прислуги. И только Эрмелинда ни разу не навестила Готфрида.

Иногда, когда головные боли становились слишком сильными, Готфрид терял сознание и бредил. Агнета слушала его бесчисленные рассказы о сражениях и была готова зарыдать от горя. Кифер Тойц прикладывал к пылающему лбу рыцаря

смоченные водой или каким-либо отваром трав повязки. В глазах старого врачевателя не было надежды, а только растерянность.

Лишь один раз Эрмелинда спросила дочь, как чувствует себя Готфрид и не нужно ли ему что-нибудь. Но разговора не получилось, Агнета отвечала сухо и коротко, а Эрмелинда не была настойчива в своих вопросах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.